

Дмитрий КараЧобан

АЗБУКА
ОТКРЫТИЙ

Дмитрий КараЧобан

АЗБУКА
ОТКРЫТИЙ

СТИХИ

Перевел с гагаузского
ВАДИМ КУЗНЕЦОВ

АРХИВ
СТЕПАНА КУРОГЛО

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1989

821.512.165

ББК 84 Мое7

К 21

Художник МАРҢА ЛУКЬЯНЦЕВА

4702150200—187
К 083(02) —89 336—89

ISBN 5—265—00831—4

© Перевод на русский язык.
Издательство «Советский писатель», 1989

МОЯ ЗЕМЛЯ

Моя земля,
как нива, зелена,
певуча и свободна,
словно птица.

Моя земля,
как девушка, юна,
как женщина,
смугла и круглолица.

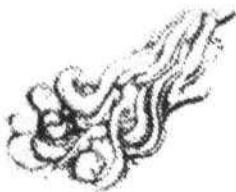
В моих деревнях белые дома
среди деревьев
будто хризантемы.
Мои дома —
история сама,
достойная и песни и поэмы.

Вино у нас
на праздник щедро пьют,
а в будний день —
мы в поле до рассвета.
На свадьбах наших
звонко в добу¹ бьют
и выдувают
нежность из кларнета.

Моя земля
пьянит, как крепкий хмель

¹ Доба — вид барабана.

(мне никакой другой земли не нужно)...
Оружье наше —
хрупкая свирель,
победа наша —
доброта и дружба!..

ВЕСНА

За спиною у весны
солнечные слитки.
Светлой радости полны
песни и улыбки.
Эту радость не поймет
ни за что на свете
кто не знал моих забот,
горя не заметил.
Кто не слышал,
как плыла
песнь,
глухая часто,
что рассчитана была
лишь на свой участок.
Кто не видел,
как в тиши,
грозно цепенея,
по полям
ползли межи —
черные,
как змеи.
Нынче песня высока,
без конца,
как воля,
нынче песня широка
и чиста, как поле!
Ветер свежестью пропах,
ходит грач по вспашке.
Тесно радости в сердцах —
светит сквозь рубашки!

СТАРЫЙ ОБЫЧАЙ

Обычай родимой стороны!
О как я горд,
что тоже к вам причастен!
Вы среди зла и горя рождены
людской
неистребимой
верой в счастье!
О чем он думал,
хмурый предок мой,
в тот день, когда —
от выпитого весел —
на колыбель наследника
тесьюмой
он ножницы портновские подвесил?
О чем мечтал
далекий пращур наш,
какую жизнь
загадывал он внуку,
когда в его
младенческую руку
вложил, как драгоценность,
карандаш?
Какой был смысл
в нелепом торжестве,
когда под добу,
что гудела глухо,
с румяным калачом на голове
вокруг мальчика
плясала повитуха?

Что мать для сына
от судьбы ждала,
когда тайком,
чтобы родня не знала,
водой,
в которой сына искупала,
в саду тюльпан
на зорьке полила?

Не сбыться — нет! —
пророчествам твоим,
твоим надеждам,
родственник мой древний!
Зачем мальчишке
надо быть портным,
когда, как мышь,
бедна твоя деревня!
И пращур мой
напрасно морщит лоб,
в мечтах увидев грамотного внука.
Ну для чего
нужна ему наука,
когда в округе
грамотен лишь поп!
Танцором парню
тоже не бывать!
Эй, повитуха!
Ну скажи на милость,
неужто
так уж часто танцевать
тебе
бесплатно в жизни приходилось?
О как печальна, мать,
твоя мечта!
Как бесполезны
все твои заботы!

Сыновняя завянет красота
от бесконечной
каторжной работы.

Все будет так...
И все-таки
не так!
Я чувствую —
сильнее год от года —
идущее ко мне через века
великое доверие народа.
Учен и дерзок
век могучий наш,
но кто смеяться
станет надо мною,
когда я сыну
в руку карандаш
вложу?
Тюльпан в саду
полью водою?..
Обычай родимой стороны!
Я так горжусь,
что кровью к вам причастен!
Вы среди зла и горя рождены
людской
неистребимой
верой в счастье!

СЧАСТЬЕ

Кто счастлив,
тот счастлив —
ни в чем половины!
И бедра у жинки
круглы, как корзины.
И хлебом забиты
просторные клетки,
и справные овцы,
и умные дети!

Кто счастлив,
тот счастлив —
ни в чем половины!
В подвале вино
распирает кувшины,
густа мамалыга,
как сахар — сметана,
и острые шутки
торчат из кармана!

Кто счастлив,
тот счастлив!
Кто любит — целует!
Не пляшет — смеется,
не ходит — танцует!
На солнце глядит —
не моргает глазами!..
Не верите, что ли?
Попробуйте сами!

ЧА-ХЭЙС¹

Кромка небосвода
в пламени горит.
Ча-хэйс, ча-хэйс!

Ранняя подвода
медленно скрипит.
Ча-хэйс, ча-хэйс!

От холма до лога
черные стволы.
Ча-хэйс, ча-хэйс!
Меряют дорогу
грустные волы.
Ча-хэйс, ча-хэйс!

В облаках пропала
поздняя звезда.
Ча-хэйс, ча-хэйс!
Надо очень мало
людям иногда.
Ча-хэйс, ча-хэйс!

Чтоб земля курилась,
чтоб цвела роса.
Ча-хэйс, ча-хэйс!
Чтоб из глаз скатилась
светлая слеза.
Ча-хэйс, ча-хэйс!..

¹ Ча-хэйс — понуканье волов.

РАДОСТЬ

Ах, как сегодня
радость звонко
звонит
в моей крови!
Как будто лучшая девчонка
призналась мне в любви.

Как будто
где-то объявилась
нежданная родня,
как будто счастье поселилось
под крышей у меня.

Как будто прежние тревоги
быльем позаросли,
как будто все мои дороги
значенье обрели.

Как будто снова мне приснились
косые паруса,
как будто зеленью покрылись
среди зимы леса!

Сегодня радость птицей свищет,
да так,
что я в пути
забыл
про боль твою, дружище...
Прости меня!
Прости...

ЖЕНА

У меня не жена, а чудо —
лучше женщины не найдешь!
Приготовит любое блюдо,
только в рот его не возьмешь.

Сварит щи —
солоны на диво,
сварит кашу —
как сажа черна.
Но зато добра и красива
молодая моя жена!

Голубцы ее горше перца,
тверже камня ее блины.
Но зато золотое сердце
у моей дорогой жены!

Но зато,
если слово скажет,
в смехе корчится полсела.
Потому-то —
голодный даже —
не держу на нее я зла.

Да и как на нее сердиться,
если с лучшими наравне
даже в поле
моя Марица
наступает на пятки мне!

У меня не жена, а чудо —
нет на свете такой другой!
Пожелайте мне
счастья, люди,
с молодой моей женой!

ПРАЗДНИЧНАЯ ПЛЯСКА

Эгей, друзья!
Айда по кругу!
Кто одинок —
ищи подругу!
Сегодня каждый парень властен
и над бедою
и над счастьем.
Так пусть отныне
и до гроба
звонит рассыпчатая доба!
Дум-чик,
дум-чик,
дум-чик-чик-чик!

Эй, кто там мрачен!
Перестаньте!
Скорее закружитесь в танце!
Ударьте каблуками разом!
Взметая пыль,
сверкните глазом!
Пускай отныне
и до гроба
звонит рассыпчатая доба!
Дум-чик,
дум-чик,
дум-чик-чик-чик!

Эгей, друзья!
Вперед по кругу

Гремите, барабаны, туго!
А вы, свирели,
пойте звонко!
Не время
прятаться в сторонке!
Пляши, Йошу,
от души!
На что способен,
покажи!
Взметнись волною,
взвейся вихрем,
работу дай
рукам и вихрам!
Дум-чик,
дум-чик,
дум-чик-чик-чик!

Пусть юбки
мечутся пожаром,
пусть радость
застит взор, как дым!
Пусть знают все,
что мы недаром
на этом свете
хлеб едим!
Звени отныне
и до гроба,
моя рассыпчатая доба!
Дум-чик!
Дум-чик!
Дум-чик-чик-чик!

ДЕТСТВО

Нету на память управы!
Будто случилось вчера,
вижу,

как пряные травы
бабушка крошит с утра.

Мы же, мальчишки-зайчишки,
тайною страстью горя,
смотрим картинки

из книжки
про корабли и моря.

Вольностью хлещет из книги,
и не слышать для ребят,
как содрогаются бриги,
мачты тоскливо скрипят.

GAGAUZ MILLI ARHIVI

№

345 145

**«CENTRUL DE CERCETĂRI
ȘTIINȚIFICE AL GAGAUZIEI»**

НИЦ ГАГАУЗИИ

ИМ. М. В. МАРУНЕВИЧ

А Р Х И В
СТЕПАНА КУРОГЛО

ПОИСК

В обновленном духе драмы
труппы новая игра.
Шире стали панорамы —
нету худа без добра.

Кисть, не чувствуя указки,
снова ищет красоту:
глушит розовые краски,
осветляет черноту.

ДОРОГА

С трудом нащупываю посохом
дорогу старую свою.
А было — по воде как посуху
гулял в неведомом краю.

Но фризы стали разнолики,
поднялись новые дворцы,
и переходные калики
поистоптали все концы.

А может быть, ослабли чувства
или ограбил душу тать?
А может, высшее искусство —
не все, что понял, рассказать?

Пусть упаду у поворота.
Пусть бросит кто-то с полпути:
«До понимания того-то
он так и не сумел дойти...»

ЯН ГУС

Скоро столб завьется пламенем,
полетит по ветру сажа.
Машет грум хвостатым знаменем,
оттесняет смердов стража.

Будет смерть твоя, схизматик,
муке адовой подобна.
Как грозит перстом фанатик,
как палач кривится злобно!

Плоть трепещет,
ждет прощенья,
но взыскают дух и память.
И, отбросив все сомненья,
Гус легко шагает в пламя.

БЕЛАЯ ВУАЛЬ

Грянет солнце невидалью вешней,
пробежит по веткам сладкий ток,
и сверкнет на тоненькой черешне
долгожданный первенец-цветок.

А за ним блеснет второй и третий
нестерпимой нежностью литья.
Жарким светом,
розовую мретью
подтверждает праздник бытия,

что, хмелея от любовной жажды,
веря в счастье и забыв печаль,
каждая из девушек однажды
примеряет белую вуаль.

СВОБОДА

Совсем не по прихоти моды
отбросив начало начал,
менялось понятие свободы,
которое я защищал.

Внакладе мое самомненье,
а разум, пожалуй, вдвойне,
поскольку мое убежденье
сегодня не нравится мне.

Сегодня, судя о свободе,
я линии прежней не гну.
Но мистикой сладких мелодий
заполнить хочу тишину.

И в дымной неясности чувства
ищу самый правильный путь.
Но мне не хватает искусства
постигнуть суровую суть...

* * *

Я сыну виноград принес —
земли и солнца пыл,
чтоб мой сынок
здоровым рос,
чтоб радостным он был.

Купил ему я карандаш
и книжек закупил,
чтоб в век
стремительнейший наш
мой сын ученым был.

Я сыну показал закат
багряно-золотой,
чтоб он, как я,
всегда был рад
встречаться с красотой.

Зеленых кубиков набор
ему купила мать,
чтоб наш сынишка
с ранних пор
учился созидать.

Еще для сына моего
купил я автомат,
чтоб в мире
в случае чего
прибавился солдат.

Чтоб, если в битве
невзначай
его настигнет смерть,
мой мальчик смог
за отчий край
достойно умереть!

С БАЗАРА

Отшумел базар в селе,
приутихли страсти...

От вина — навеселе,
от покупок — счастлив,
разбредается народ,
унося под мышкой
кур, ковры,
гречишный мед...
А мужик козу ведет —
молоко детишкам!

Баба тащит полотно
в тоненькую строчку,
предназначено оно в приданое дочке.
За кептарь¹
старик не зря
торговался тоже,
стал старик от кептаря —
иль вину благодаря? —
вроде как моложе!

Тяжело вздымая пыль,
на плече
калека
тащит новенький костыль —
наваждение века.

¹ Кептарь — кожух-безрукавка.

Он слегка навеселе,
он удачей счастлив...

Отшумел базар в селе,
и затихли страсти.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда после долгих скитаний,
хлебнувший обид и страданий
и жаждущий исцеленья,
пришел я
в родное селенье,
меня,
как в берлоге медведя,
кольцом обложили соседи.
По кругу пошли папиросы,
как град
полетели вопросы.
Спросил старый друг мой с надеждой:
— Ты будешь мне верен, как прежде? —
А дурень,
ослабившись тупо,
спросил:
— А не стал ли ты глупым? —
А скряга спросил осторожно:
— Должок получить с тебя можно? —
Пьянчужка спросил в нетерпенье:
— Ты выставишь нам угощенье? —
А брат,
не потупившись даже,
спросил:
— Много денег ты нажил? —
Дымилась в руках папиросы,
как камни
летели вопросы.
Отец:

— Ты чему научился? —

Жена:

— Навсегда возвратился? —

А мама,
заплакав в платочек,
спросила:

— Ты кушал, сыночек?

ТОСТЫ

Такое в жизни выпадет не часто.
Сердца людей
стучали, как одно.
За дружбу, за удачу и за счастье
мы пили
гагаузское вино.
И было всем
и радостно и просто,
и души раскрывались как цветы.
И наши
удивительные тосты
соединяли
будни и мечты.
Мы становились
выше и мудрее,
доверие затапливало нас!
И верил я,
когда мы протрезвеем,
мы не должны быть хуже,
чем сейчас.

* * *

Я встретился с вежливым —
шапку поднял.
Я встретился с нищим —
рубаху отдал.
Я встретился с трусом —
приободрил.
Я встретился с другом —
всю душу открыл.
А встречу убийцу —
я пояс сниму
и сделаю крепкую
петлю ему.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

На яблонях под окошком
света неровный круг.
На кептаре дремлет кошка,
нет ни души вокруг.

Как будто бы вся планета —
застывшая белизна.
Далёко-далёко лето,
чуть ближе его — весна.

Озябнувшие деревни
устали в снегу грустить.
И хочется мне деревья
погреться к себе впустить...

СВАДЬБА

Свадьба пенилась до утра,
на рассвете, устав, распалась...
Разобраться теперь пора,
что кому от нее досталось.
Добрый пир —
компании всей,
беспокойство —
соседним хатам,
радость —
матушке старой моей,
а почетное место —
сватам.
Пьющим —
целое море вина,
плясунам —
и восторг, и усталость.
Ну а мне —
молодая жена!..
Больше всех мне
от свадьбы досталось!

ЛИНЕЙНАЯ ФАНТАЗИЯ

Мысль в сомненья уперлась устало,
как слепой в незнакомый витраж.
Занкается что-то лекало,
целясь в точку, дрожит карандаш.

Но в запутанных точках пунктира,
проторившего каверзный путь,
многообразие бескрайнего мира
обретает и форму, и суть.

И, ликуя, шагают к ответу
сотни линий, сходящихся в кисть.
Но спеша запрягает карету
параллельного хода корысть.

ЛОЗУНГИ

Мир украшают заботы и труд.
Все показное — бездарно и пусто.
Ждущие чуда
его обретут,
лишь наломавши хребтины до хруста.

Двигаясь дальше
ввысь и вперед,
преодолевши и беды, и грозы,
выкинь отживший
и взвей в свой черед
новые цели вмещающий лозунг!

Пусть на земле воцарит благодать —
нечего больше терпеть и охаивать,
все равно будет
куда еще звать!
Все равно будет
что перестраивать!

ГРАД

Солнце закрыли черные тучи.
Страх колыхнулся в сини зениц.
Дробью хлестнул с опадающей кручи
град по корягам промчавшихся птиц.

Стонет душа,
погружаясь в потемки,
лишь оттого, что вовек не сумеет
остановить ей скольжение поземки
и воскресить облетевшую ветвь...

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ОТЦЕ

Нынче вон как мокрица прет!
Нынче вон как бушует кашка!
Снова полет отец огород —
на спине почернела рубашка.

И за что бы ни взялся отец,
все вершится и ладно, и споро:
то бежит за травой для овец,
то готовит столбы для забора.

Возвратится усталым домой,
но шалит за столом, как ребенок.
Поутру, окатившись водой,
засмеется чему-то спросонок.

И опять за травой для овец...
Тридцать лет уж —
ни много, ни мало —
не нарадуется отец,
что избавился от капрала...

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Исходит паром влажный гонт.
Поспешно задымили трубы.
И, поглощая дыма клубы,
устало вянет горизонт.

Еще не сгладил полумрак
недавней выходки природы,
и след прошедшей непогоды
еще легко находит зрак.

С размаху плюхнув на заплот,
еще всплеснет крылами птица,
поскольку в ней покуда длится
приостановленный полет,

поскольку жизнь всегда добра,
поскольку сладостно и грозно
еще трепещет горный воздух
в изгибе каждого пера.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Земля так прозрачна
и так ясна,
что виден изгиб полушария.
За домом —
пустынных полей тишина,
как выстрел в горах,
оглушающая.

Сияет печально
в предутренней мгле
неба
застывшее олово.
Последний цветок
наклоняет к земле
гордую
голову.

* * *

Посмотрел я окрест —
все окрест изменилось.
Посмотрел я на жизнь —
в ней добро воцарилось.
Я спросил у людей:
— Где же горькое горе? —
И сказали они,
что утоплено
в море.

БАЗАР

На зябком откосе —
негласный базар.
Здесь издавна в спросе
духовный товар.

Здесь толпы бастардов
охоту ведут
на томики бардов,
властителей смут.

Волнами тугими
проходит сквозь гам:
— Орешин?
— Мукими.
— Рембо?
— Мандельштам!

В глубинах пакетов
фанатик-эстет
здесь ищет поэтов,
каких еще нет.

Взбесились надежды
у клади дельца —
надежды невежды,
надежды спеца.

Но вот у страдальца
причина присух.
Листает!
От пальца
возносится дух...

* * *

Зеленым пламенем
охвачены деревья,
зеленым пламенем
взялись дома в деревнях.
Зеленый ветер
буйствует над миром,
врываясь
в кабинеты и квартиры.
Он равнодушие крушит,
греет души,
господствует
на море и на суше.
И люди улыбаются
встречаясь
и вновь идут,
как пьяные качаясь.
Что происходит?
Светопреставленье?
Всеобщее людское
поклоненье
зеленому прославленному змею...
Да нет, но объяснить я не сумею...

ДРУГУ

Прости меня,
 мой друг и брат!
Ты с детства был велик душою.
Пусть дружбу не вернуть назад
ни пылкой клятвой, ни слезою.

И все же ты меня прости.
Ты сам отчасти был виною,
что прикрывал меня в пути
собой, как каменной стеною.

Ты мне на море был веслом,
на крутизне ты был ступенью.
Мой тяжкий грех,
мой страшный слом
не поддается искупленью.

Какого я хотел рожна?
Борьба, увы, не знает правил,
но жертва всем была нужна,
я дрогнул и тебя подставил...

РАЗГОВОР С СЕРДЦЕМ

Я спросил у сердца
в час исповеданья,
как оно выносит
беды и страданья?

— Я стерплю все раны,
выдержу всю гадость,
лишь бы временами
приходила радость!

ЗАЩИТА

Каждому существу в мире дана
кроха блаженства судьбой.
Душу мою защищает она
крепче, чем сталью, собой.

Все это знает бес продувной
и, в ежедневном бою
сияясь упрямо взять верх надо мной,
целит в защиту мою.

ГРУЗ

Я от прожитых весен не огруз,
но вспоминаю мудрость древних часто:
«Не сваливай к обочине свой груз
и не спеши делить его на части».

Как тяжело давит
мне на плечи он,
бесценный дар сиятельного Феба!
Бреду ли я наверх,
скольжу ли под уклон —
не вижу ни окрестностей, ни неба.

«Не выдержу!» —
порой сдаётся мне,
а все несу, не чувствуя обиды,
немыслимую ношу на спине,
любимый брат слепой кариатиды...

ЭТЮД

Покатился лист акации
в побуревшее репье.
У затерянной дистанции
резкий ветер рвет тряпье.

Все туманней образ лета,
все протяжнее верста.
Все дороже пятна света
у поникшего куста...

* * *

Наша крыша —
небеса,
наше ложе —
травы.
Дом —
весенний белый сад,
развернувший паруса
на краю дубравы.

Ложь,
что юность отцвела,
годы — не помеха.
Наши души —
из стекла,
наши взгляды — из тепла,
разговор —
из смеха!

...Скоро смолкнут соловьи,
чтобы смог понять я,
что из звезд
глаза твои,
обращения —
из любви,
из огня —
объятья!

КУДРИ

Вторит холм последним голосам
хриплых птиц,
 уплывших стаяй к югу.
Паутина липнет к волосам.
Тишина окутала округу.

Серой тучи выцветший курпей
с облаков сдирает позолоту.
Только буря молодых кудрей
в клочья рвет душевную дремоту.

БЕССОНИЦА

Напрасно смыкаю я веки —
нет сна ни в едином глазу.
В башке моей,
 как в фонотеке,
сливаются звуки в бузу.

Не думы — сплошная окрошка:
кривлянья, ужимки, скачки.
И свет, проникая в окошко,
дробит на осколки очки.

К чертям эти муки!
Но рядом
со списком невзгод бытия
сверкает под пристальным взглядом
забытая брошка твоя.

ПРОКЛЯТИЕ

Пусть тот,
кто скажет милой,
чтоб бросила меня,
повержен божьей силой,
не проживет и дня.

Пусть будет змею кисло,
пусть ходит в этот день
согнувшись в коромысло,
с мозгами набекрень.

Пусть у него, сквалыги,
случится икота.
Пусть ложку мамалыги
проносит мимо рта.

Пусть он, завистник гадкий,
поганое нутро,
наденет вместо шапки
помойное ведро!

* * *

— Останься,— говорил ей дом.—
Зачем уходишь и куда?
Я окружу тебя теплом
и обогрею в холода.

— Останься! — говорил ей сад.—
Забудь обиды и прости.
И каждый год я буду рад
лишь для тебя одной цвести.

— Останься! —
плакало крыльцо.
И я кричал:
— Вернись назад! —
Но было каменным лицо
и неподвижными глаза...

ПЕСНЯ ЮНОШИ

(Старинная песня)

Чем беду измерить?
Где набраться сил?
Сам я
в счастье двери
камнем привалил.

Гордость ли виною
или чья хула?
Только не со мною
ты к венцу пошла.

Не померкло небо,
когда ты, бледна,
откусила хлеба,
отпила вина.

Горькою отравой
сладкий мед не стал,
что тебе —
оравой —
поднесли к устам.

Не было расплаты —
не ударил гром
в дом,
куда вошла ты, —
нежеланный дом.

Бурею не сбило
ни листа в лесу
в час,
когда вершила
над собою суд.

Лишь слеза
проклятьем
стыла на щеке...
Шла ты в белом платье
со свечой в руке.

Словно в ад,
вступала
в ненавистный дом!

Небо не упало,
не ударил гром...

УТРО

Соловьиная трель
над домами вьется.
Заскрипел журавель
около колодца.
Каблучки у ворот
застучали звонко —
не идет,
а плывет
по селу девчонка.
Не идет,
а плывет —
словно весла бедра! —
как пушинки, несет
голубые ведра.
Сзади косы летят,
будто хвост кометы!
На запястьях звенят
желтые браслеты.
Нежность
в жарких глазах
светится лилово.
На припухших губах
притаилось слово,
что,
как в ведрах вода,
чистотою дышит...
Я полжизни б отдал,
чтоб его услышать!

* * *

Если однажды придешь —
с радостью встречу.
Если письмо мне пришлешь —
сразу отвечу.

Если ответ не примчит
взмыленный поезд,
даже в бездонной ночи
выйду на поиск.

Если исчезнет твой след
в бездне былого,
я обойду целый свет
и разыщу тебя снова.

Если мы встретимся вновь,
мир станет светел.
Если
 сгорит любовь,
я сохраню пепел!

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Прощай, пора весенняя!
Девичество, прощай!
Я после воскресенья
покину отчий край.

Не в тундру незнакомую
торить тропу мою,
а к мужу в избу новую
и в новую семью.

Пусть жизнь
не будет сказкою,
но я хотела бы,
чтоб свекор мой
был ласковым,
чтоб щедрым свекор был.

Не надо ни коровушки,
ни злата-серебра,
была б моя свекровушка
всегда ко мне добра.

Я ни большой,
ни маленькой
беды не побоюсь.
Пусть будет муж с картавинкой,
да только любит пусть!

ЕСЛИ В САД ПРИХОДИТ МАЙ

Если в сад приходит май,
птицу в клетку не сажай,
птицу в клетку не сажай —
даже в золотую.

Как ты клетку ни верти,
тесно птице
взаперти,
горько птице
взаперти —
птица затоскует.

Перестанет птица петь —
будет горлышко болеть,
будет горлышко болеть
от тоски-кручины.

Если сад
начнет цвести,
лучше в дом свой привести,
лучше в дом свой привести
смуглую дивчину.

Ветер окна распахнет —
птица
сразу упорхнет,
птица

сразу упорхнет
на простор, на волю.

Будет девушка любить —
станет век с тобой делить,
станет век с тобой делить
жизнь твою и долю.

* * *

На юг умчалась
ласточек семья —
и старый сад
остался сиротою.
Любимая покинула меня —
и стала жизнь
ненужной и пустою...

КАК УЗНАТЬ?

Я цветы посадил,
но они не взошли.
Может, не было сил,
чтобы встать из земли?

Может, должен был я
их щедрей поливать?
Может, просто земля
не хотела рожать?

Как узнать?

...В дом прокралась беда —
разлюбила жена,
но пока никуда
не уходит она.

Может, страшно одной?
Может, гложет вина?
Или просто с судьбой
примирилась она?

Может, жаль
дом постылый
сиротой оставлять?
Может, шило на мыло
нету смысла менять?

Как понять?

БОЛЬ

В доску вколачивал я болт,
да плохо рассчитал —
ножом пронзила руку боль,
но я не закричал.

Я мчался по лесу,
доколь
не рухнул сгоряча —
огнем пронзила ногу боль,
но я не закричал.

Просил я:
— Будь моей судьбой!
— Нет! —
бросила плеча.
Свинцом пронзила сердце боль,
и я вдруг закричал.

ЭХО

Зря топчу
в лесу траву,
зря любимую зову,
зря любимую ищу,
зря, как птице,
ей свищу.
Отвечает эхо
нехорошим смехом.

Желтый тополь
стонет тихо —
улетела соловьяха,
как любимая моя,
в неизвестные края.
Улетела из гнезда,
улетела навсегда...

Оба мы осиротели.
...Надвигаются метели.

* * *

Чу, кукушка кукует!
Счастье падко до игр —
то голубкой воркует,
то рычит,
словно тигр,
то глядит
как овечка,
то взметнет
как волна,
то, как в засуху речка,
обмелеет до дна.

ПРИМЕТЫ

Только солнца
желтый глаз
тучами затмило,
не спеша
прошел семь раз
возле дома милой.

Опасаясь той беды,
что тоской зовется,
я помог достать воды
милой из колодца.

Тронул розовый браслет,
смуглое запястье,
чтоб душа ее
сто лет
была
в моей власти.

Ярко-красный тюльпан
прикрепил к забору,
чтобы в сердце обман
не прокрался воров.

Белый плат,
что на ней,
взял украдкой в руки —
нет средства сильнее
от слепой разлуки.

Сделал так,
как родня
научила с детства.
Ей теперь от меня
никуда не деться!

КЛЕН

Клен, посаженный в саду,
а точнее — прутик бурый,
листья дал.
Но на беду,
утром их склевали куры.

В жаркий полдень
грянул гром,
хлынул дождик,
как из бочки.
Клен встряхнулся,
а потом
снова выпустил листочки.

Озорная ребятня,
что в саду моем играла,
клен, оживший у плетня,
до листочка обобрала.

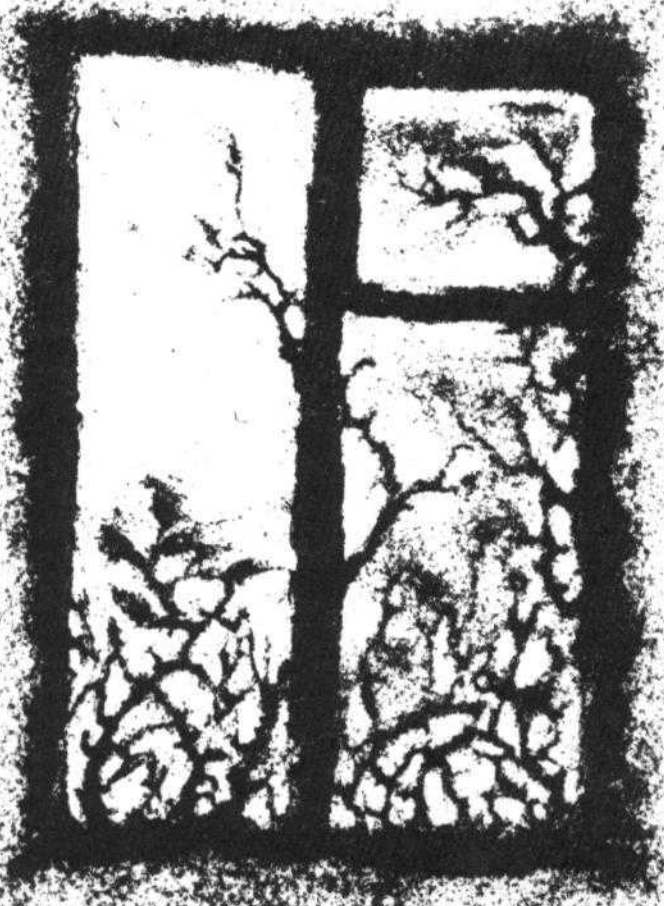
Словно мертвый,
клен застыл —
не вздохнет,
не шелохнется.
Видно,
больше нету сил
за судьбу свою бороться!

ГВОЗДЬ

Все было хорошо вокруг:
светило солнце,
птицы пели,
и каждый лист,
и каждый луг
росой,
как жемчугом,
блестели.

Все было очень хорошо:
бежала под гору дорога,
и до села,
куда я шел,
осталось мне совсем немного.

Мир позабыл
и страх и злость —
все жило,
радовалось,
пело!
А из подошвы
вылез гвоздь,
и у меня нога болела.

ШАГИ

Добром и нежностью влекомый,
я по родной земле шагал.
Не обижал я незнакомых
и близких мне
не обижал.
Не избегал в дороге риска,
старался я
цветов не мять.
И если вдруг склонялся низко,
то чтобы птицам
не мешать.

ЧЕМ?

Тяпкою чистят поле,
колодцы чистят бадьей,
а души,
полные боли,
чем вычистим
мы с тобой?

Водкой
бьемся с ознобом,
с занозой —
острой иглой,
а чем
бороться со злобой,
что в голове чужой?

* * *

Каждый пьяница
к рюмке тянется,
а горбатый урод —
к красавице,
а заправский гуляка —
к гульбищам,
а никем не любимый —
к любящим.

Дурака всегда
тянет к умнице,
говорливого —
к шумной улице.
А кичливого —
к вознесенью,
а ленивого —
к воскресенью.

* * *

Запомни истину одну
непреходящего значенья:
приводишь первую жену —
она садится на колени.
Вторую вводишь в дом,
она
уже на шею громоздится.
А третья (и т. д.) жена
тебе на голову садится.

* * *

Как старый вол,
шагает жизнь,
не выходя из круга.
Добру
у мудрых книг учись,
а верности — у друга.

Учись упрямству у глупца
(глупцы всегда упрямы!).
Учись отваге у отца,
а нежности — у мамы.

К познанию истины стремись,
и будешь в этом прав ты.
В народе
скромности учись,
а честности —
у Правды!

* * *

А жизнь как колокол,
чей звон
ворвется в душу мне
тревогой,
и позовет за горизонт,
и поманит меня дорогой.
Вперед!
Вперед!
Метель,
гроза,
но мне
нельзя остановиться.
И та же пыль
мне бьет в глаза,
что на ноги мои
садится...

* * *

С. Г. Богдану

Через день ли,
через пять,
летом ли,
 зимою
я приду к тебе опять,
и опять с бедою.

Не стесняясь, принесу,
требуя участия,
я на твой
суровый суд
новые несчастья.

Прикоснусь к тебе душой —
снова буду твердым,
потому что ты большой,
потому что — добрый.

Что ерошишь сивый чуб?
Что молчишь сурово?
Ты ведь знаешь,
что к врачу
не придет здоровый!

* * *

Научился грамоте —
поженил свой ум
на сердечной замети,
на горячке дум.

Значит, будь степеннее,
слишком не спеши,
бойся пресыщения
собственной души.

В книгах — мысли разные,
и порой они
превращают праздники
в сумрачные дни...

ЛЕБЕДА

Чтобы сто горшков слепить,
месяц спину гнут.

Чтобы сто горшков разбить,
хватит трех минут.

Город может возвести
легнион людей,
а с земли его смести —
лишь один злодей.

Радость требует труда,
нежности,
ума,
а беда,
как лебеда,
вырастет сама...

ВЕЯНИЕ

Удачное слово —
всегда многозначно,
попробуй нащупай в нем истины дно.
Удачное слово
уж тем и удачно,
что много значений имеет оно.

Удачное слово —
удобное ложе.
Удачное слово, как цирк шапито,
возможно, случайно,
но все же похоже
и вроде на это,
и вроде на то.

Удачное слово —
источник блаженства,
хотя, может быть, и немного общо.
Но явно разит
от его совершенства
и тем,
и другим,
но и чем-то еще...

НЕВЕСТА

Завиток легко роняет
на височек прядь-дружок.
Робко сердце обвеваает
тайных мыслей холодок.

Свет небесный,
свет воскресный!
Платье инея белей.
За спиною шепот лестный
ставших добрыми людей.

Видны зрячим и незрячим —
и пунцовы и густы —
на лице твоём горячем
грешных пятнышек цветы...

* * *

...И сбýлось все то,
что казалось нелепо.
Увяла, засохла зеленая полсть.
Усталые нивы.
Усталое небо.
Бескровное солнце
приходит как гость.

Ободраны ветки,
похерены даты.
И пусто, и звонко
в недавней глуши.
И скудную медь
неизбежной отплаты
любившее сердце
считает в тиши...

АНАКРЕОН

Как лихо слова
выстреливал он,
насмешливый эллин Анакреон.
Но был и рисунок Анакреона:
серое море,
на нем — три пиона...

ТУМАН

Сузился мир до недалних холмов
в низко надвинутых шапках тумана.
Тайное эхо несказанных слов
тает в груди ощущеньем обмана.

Вестники Севера смяли лазурь,
вдаль проплывая толпою усталой.
След от светила,
ушедшего в хмурь,
тянется, тянется лентою алой...

НОЯБРЬ

Холодом пронизаны сады.
Нити паутины на заплоте.
Жалоба невидимой беды —
страсти отлучаются от плоти.

Подбирает листья водосток
и легко уносит за дорожку.
Лишь один-единственный листок
держится,
приклеившись к окошку...

ЗНАК

Знаком жизни
нежданно растроганность стала.
Мастерство одичало, отбившись от рук.
Подари мне, судьба,
на краю перевала
исполненье мечты,
избавленье от мук.

Все отчетливей слышу
призыв благородства
из-за вздыбленных в небо
сияющих гор.
Все сильнее меня тяготят неудобства
несожженных мостов,
ненадежных опор.

Я стремлюсь, как река,
к берегам океана,
а достигнув его,
застону от тоски:
по-над бездной глухой,
в рваных клочьях тумана
вдохновенье плывет
на обломке доски...

ТАЙНА

Отзвенел провидения глас.
Смертен Дюрер...
Бессмертен Самсон...
Посмотри.
И обнимет тотчас
нему душу
классический тон.
Врут страницы всезнающих книг,
будто правда
видна за версту.
Тот, кто тайну пока не постиг,
в утонченности
зрит
красоту.

* * *

Смиренье сулит тишину и покой,
а дерзость хранит только случай.
Зачем же берешься
ты слабой рукой
за то, что под силу
могучей?

О старость!
Ты видишь печальный конец
и все-таки,
вонзай крошки рассея,
в плоть гранита
умелый резец,
ваяй своего Моисея!

Пускай не годится
твой жест напоказ,
а хрип не для тонкого слуха.
Спеш и исполни
вселенский заказ
мятежного вольного духа!

СУДЬБА

У каждой эпохи свой взлет и конец,
пророки свои
и свои же вандалы.
Одним возводила она пьедесталы,
другим назначала терновый венец.

Ласкал чьи-то плечи
заботливый плед,
ходили за дверью на цыпочках дети.
Клубился в гардинах космический ветер,
врубался в анналы истории след.

Восторженный рев
поднимался в зенит,
но ставило небо нежданную точку...

Я днесь прочитал одинокую строчку,
что Н...
в своем времени
был знаменит.

* * *

Не ищи напрасно истины,
страсть всеильна, как судьба.
Вещий знак над жизнью исстари —
рук-заломов худоба.

Сквозь разлад и катавасию
не изведаны пути
к обоюдному согласию,
если чувства взаперти.

Тихо кается терпение,
будто в дом вошли враги.
И коварное смирение
излучает блеск серьги.

ПАМЯТЬ

Память людская —
наперсница дошлая —
оптом грехи отпускает вине.
Страсти мои,
сотрясавшие прошлое,
милою шалостью кажутся мне.

Воздух былого
не пахнет паленым.
Ревность забыта, как детский кураж.
В слезах — ни боли, ни соли...
Беленым
мнится минувшее —
глупость, мираж.

Память моя
торопливо и нежно
там, где упасть, подстилает сenco.
В сердце спокойном
живут безмятежно
смолкнувший голос,
родное лицо.

СТРАДАНИЕ

1

Поздний вечер.
Дождь стучит,
плещет на завалинки.
Я пригрелся на печи,
я пока что маленький.

Мама прячет в узелок
шесть картошек жареных.
А за домом перелог,
лес да трое раненых.

2

Снова утро —
снова дождь
с крыши льет упрямо.
«Помоги же им, господь!» —
просит бога мама.

Кажет хмурое окно
поле, речку, ели
да мелькнувшие в гумно
серые шинели...

КУВШИН

На личный вкус,
на свой аршин,
как повелело вдохновенье,
был сделан мастером кувшин
и выставлен на обозренье.

Смотрели люди на кувшин,
хвалили мастера уменье.
Но всяк из них
на свой аршин
работе делал измеренье.

Тому не нравился узор,
другому
форма не по вкусу,
а третий видел перебор
в сопротивлении искусу.

Моим стихам не занимать
ни сбоя мысли,
ни плешины,
но знаю я —
свои аршины
у тех,
кто будет их ругать.

МОНАСТЫРЬ

Монастырь с зеленой крышей
обнесен искристой далью.
Пахнут кельи,
пахнут ниши
запустеньем и печалью.

В драной кровле над обводом
голубки воркуют робко.
Под крутым —
в щербинках —

сводом

на душе темно и знобко.

Сквозняки промчатся мимо,
и в распахнутые двери
входит в гулкий зал незримо
время Бога,
время Веры.

* * *

Я тоже,
по всем признакам,
земной —
нога моя ступает в снег и слякоть.
Но что такое делается со мной,
когда охота без причин заплакать?

Почувствовав неясную вину,
как лист,
сорвавшись с веточки заветной,
я улечу в абстрактную страну
поэзии —
неясной, беспредметной.

Я окунусь в туманность с головой,
чтоб научиться тонкостям искусства
отыскивать обратный путь домой
не по звезде —
по азимуту чувства.

Пусть реалист промолвит:
— Ерунда! —
Но существуют все-таки причины,
что утоление жажды иногда
находим мы
на дне морской пучины.

ТВОРЧЕСТВО

Нет избавительней плена,
нет бестолковее сна.
Белый листок на колено —
здравствуй, моя целина!

В юности верить хотелось:
дни, что шумят как трава,
вырастут в опыт и зрелость,
то и другое —
в слова.

Канули даты и сроки,
но не даются взамен
звонкие плотные строки,
переживущие тлен.

Будто бы больше сноровки,
будто бы тверже хорей,
но все длинней остановки
и недовольство острей.

Что-то коробят удачи.
И, как сырые дрова,
глеют, дымятся и плачут
вымученные слова.

ИЗ ДРЕВНОСТИ

Галилей и Ханаан,
Вифлеем и Назарет,
погружаясь в самообман,
преступают святой завет.

Не затем,
 что мораль слаба,
не с того,
 что неведом страх,
господин продает раба,
покидает землю феллах.

Не с того,
 что принес огонь
новой веры
нежданный Гость,
а затем,
 что в его ладонь
забивается алый гвоздь.

Входит в тело живое
 сталь...
Но держитесь, наступит срок —
ведь не зря же куда-то вдаль
воспаленно глядит пророк.

ДЕТИ

Как быстротечна жизнь
на белом свете!
Но, радуя отцовские сердца,
в садах любви повзростали дети —
шумят как молодые деревца.

Пусть в этом шуме слышатся тревоги,
пусть в этом гаме
явственен поперек
за то, что мы
петляли по дороге,
переезжая правду поперек.

Все ближе, ближе
скорбный миг разлуки,
но седина довольна оттого,
что вновь слились
двух поколений руки
на крепком древке
стяга одного.

ТРЕВОГА

Как
мне объяснить вам,
что это такое?
Как
преодолеть мне
эту немоту?
Смертную тревогу чувствую в покое,
кожей ощущаю неба тесноту.

Схоронясь в деревья,
мирно спит деревня,
но во сне не может помнить человек
злое право ветра
 низвергать деревья,
выпускать из русел
 буйство пьяных рек.

* * *

Чúдным звуком душа крещена.
Вещей тайною мысль заколдована.
Будто голубь за кромкой окна,
цель воркует,
что мне уготована.

Значит, чуда желаешь, душа?
Я пойду, чтобы в дух превратиться.
Но, соблазны веков сокруша,
вижу те же довольные лица.

КУМИР

В знаменитом имени
отпечаток мистики.
Будто ветка в инее
распускает листики.
Слово неприметное
смыслом наполняется,
существо конкретное
в символ превращается.
И в плену решимости,
через заблуждения,
две несовместимости
ищут совмещения...

ПРЕДАННОСТЬ

Дух тонких фресок
полонил музей,
но это не заметит ротозей.
И с интересом
смотрят знатоки,
как Авель в небо выкатил белки.

ПОРТРЕТ

Косы цвета мимозы,
пламя в темных очах,
на щеках ее — розы,
теплый воск — на плечах.

Под бровями припухлость —
след бессонных ночей...
Забывается утлость
жизни, дел и речей.

Мир нисколько не хрупок,
если нравится ей
друга каждый поступок
на виду у людей.

* * *

С утра давил округу сплин.
К полудню марево поблекло,
и подгорелой тучи блин
угрюмо вынырнул из пекла.

Из-за холма примчался шквал,
сорвал с лесничего фуражку,
пустую банку попинал,
приклеил к проводам бумажку.

Вороний гурт рванулся в лес,
метнулись голуби под стрехи.
Ударил гром.
Из-под небес
упали белые орехи.

Они скакали по земле
и, обещая перемены,
сгибали ветки на ветле,
белили крыши, травы, стены.

Они прибили огурцы,
оббили яблони и груши.
Несли разруху пришецы,
но не сломали наши души.

И прояснился небосвод,
и вдоль по улице нелепо
ревел поток из мутных вод
сверкал в траве осколок неба...

* * *

Шипит вода,
ударив в камень,
и сердцу хочется невольно
погладить, бедного, руками:
а что, и впрямь ему не больно?

Еще легко не чуют беды,
еще неведомы прозренья,
еще пьянят меня победы
и угнетают пораженья.

Бежит строка моя в виденья,
как речка выгнувшись дугою,
где вероятны превращенья,
где мысль сливается с другою.

* * *

Все утро смотрели в окошко
тумана пустые глаза,
но вот прояснилось немножко,
и в стекла влилась бирюза.

Но вскоре,
тревожась за целость,
угрюмые тучи сошлись.
И снова безликая серость
накрыла сиротскую жизнь.

Не трогало душу и тело
глухое затмение умов.
И речка, смерзаясь, кряхтела
предтечей камланья громов...

* * *

Ты стояла недотрогой
над высоким парапетом
перед дальнею дорогой,
данной свадебным обетом...

Ночь была такой нескорой,
и всю ночь грешно и долго
хохотал он — тот,
который
укатил тебя на «Волге».

Я пытался взвесить мудро
боль и срам, но был довесок.
И к тому же скоро утро
чуть коснулось занавесок.

Я увидел на рассвете
среди прочих анонимов
на высоком парапете
светомудрых херувимов.

ЦЕЛЬНОСТЬ

Да повернет, не смущаясь, рука
ключ от запора былинного.
Оберегают четыре замка
цельность единого.

Страхи наводят тень на плетень,
мысли пускаются в происки.
Но постепенно —
изо дня в день —
все безболезненной поиски.

Пятую маску сорвет лицедей,
склеит души половинки,
чтобы понять,
что бессчетно идей
спрятано в каждой пылинке.

* * *

Бывает день среди зимы,
что краснотой нальет лозинку,
теплом подует на холмы,
на старом пне растопит льдинку.

Так и надежда иногда
ошеломит сознание разом,
как в марте полая вода,
как где-то слышанная фраза.

МУЗА

Сказала мне муза:
— И ночью, и днем
стремись к первожданности,
в этом все дело...—
И стала душа моя
вечным огнем,
который питает невечное тело.

В невидимый храм золотого огня
навек закрыты
скрипучие двери.
И некому здесь доносить на меня,
вводить в заблужденье,
раскачивать в вере.

Но хрупко янтарного света пятно,
но мерзнет у жаркого храма дубрава.
И настезь раскрытое ветром окно
бросает меня
то налево,
то вправо.

ПЛАН СТИХОТВОРЕНИЯ

Культ создания чудесен,
принимаю этот культ.

Вакх —

творец вина и песен,—
не тяни,
садись за пульт.

Жми на клавиши святые,
разгоняй тоску и сыть.
Нет Нерона,
нет Батя, —
нет того, кто может быть.

КАРАНДАШ

Загорается страсть,
и ликует душа,
и в пустой голове
зарождаются мысли.
И на выпуклых гранях
карандаша,
как на ветке лесной,
распускаются листья.

* * *

Крепи свою душу
надеждой, что есть
в чреде перемен справедливость.
Иначе она, распахнувшись, бог весть
зачем небесам причастилась.

Пусть листья желтеют
в преддверии зим,
пусть высохнут губы от жажды,
пусть каждый твой миг
будет неповторим,
как это случилось однажды...

* * *

Все суровой непогода,
все загадочней круги
соскользнувшей с небосвода
закипающей пурги.

Редко-редко над вселенной
улыбнутся небеса,
как красавицы надменной
потеплевшие глаза.

* * *

Наконец-то разгадан кроссворд,
наконец-то доедены «Мишки»...
— Посидите еще, милорд,
посмотрите, что в этой книжке.

Между тонких и гордых бровей
набухает морщинкой строптивость.
«...И от брошенных нами камней
между нами стена появилась».

Голос женщины, словно багор,
острым зубом вонзается в душу.
Но допил я последний кагор
и последнюю кокнул баклушу.

Я одна из разыгранных карт,
я не туз,
не звезда полусвета.
Но в глазах у хозяйки азарт
полыхнет,
как в зубах сигарета.

Мы простимся у крайних окон,
и блеснет сквозь стекло мне знакомо
очарованный узкий флакон
в глубине полутемного дома.

ДОРОГА

Испытания бьют одержимого,
но, к бесхитростной цели спеша,
вечной пленницей невыполнимого
волочит свою ношу душа.

В ложь и грязь утопая бахилы,
сам апостол идет как наказ,
тихо требуя воли и силы
полукружьями сомкнутых глаз.

МУЗЫКА

Слева — грач дудит в дуду,
справа — дрозд гудит фаготом.
На работу я иду
не по тропке,
а по нотам.

ОТТЕПЕЛЬ

Бредит родина сказкой,
не подвластной беде.
Даль написана краской
на вишневой воде.

И хоть ночи суровы,
груши, вставшие в ряд,—
вот мы, живы-здоровы,—
говорят,
говорят...

СТОРОЖ

Вот и вечер настал,
потускнело кругом,
ослабело в долине
мерцание света.
День труда позади —
голоса за прудом,
возносясь над землею,
приветствуют это.

Возвращаются с поля
крестьяне домой
мимо старого сторожа
в рваном жилете,
что сидит словно сыч
над зацветшей водой
на оставленной кем-то
пожухлой газете.

Он махнет проходящим
неловкой рукой
и дотошно осмотрит
слезящимся взглядом.
Связан сторож с землей
суковатой клюкой,
суковатой клюкой,
что валяется рядом.

Да еще, может быть,
в поостывшей груди
не замеченный миром

комочек остался
одобрения тем,
кто не падал в пути,
и прощенья тому,
кто порой спотыкался.

АПРЕЛЬ

Отзвенела под крышей капель,
бриллианты запрятаны в ларчик.
Голосист и тревожен апрель,
словно старый районный базарчик.

Из садов благородный ирис
разливает томлень по свету.
Не спеши!
И к тому не тянись,
в ком весеннего трепета нету.

* * *

Не брани преступившего веры,
боль случайной беды не мусоль.
Ты не первый,
кто сыплет без меры
на душевные ссадины соль.

Ты не первый такой
и не сотый,
кто решился один наяву
уничтожить осиные соты,
тяпкой выполоть в поле траву.

Человеку полезны страдания,
но в геройстве ли дело ужли?
Ты сегодня
прошел испытанья,
что уже в поговорки вошли.

* * *

Отчего так сердце стонет?
Оттого ль, что солнце тонет
в потемневшие холмы?
Маета не успокоит.
Лишь терпенье подготовит
к наступлению зимы.

Где-то море бьется в берег,
потому что море верит
в силу вечную свою.
Но встречают грудь шквалы
твердокаменные скалы
там, у суши на краю.

Жизнь моя!
В грядущем беге
от боязни и от неги
ты спаси меня опять.
Ты в меня вложила чувства,
так добавь еще искусства
твердокаменно стоять.

* * *

Старая ветка груши
стерла с небес звезду.
Полные неги души —
все в городском саду.

Сладостный час свиданий!
Празднество молодых!
В темной беседке дальней
нету лишь нас двоих.

Память придет в движенье
и пропадет во мгле,
словно твое отраженье
в черном ночном стекле...

* * *

Почернели глубины
бездонного неба.
Как ягненок в овцу,
память тычется в небыль.
Засыпает душа,
засыпает деревня.
Лишь листва шебаршит
под окном на деревьях.
Темнота, как смола,
и липка, и тягуча.
Нет надежд ни на что —
разве только на случай?!
Только он, покорявший
и море, и сушу,
мне подарит твой смех,
обжигающий душу.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Я помню смутные семнадцать,
любви стыдливой первый сон.
Он будет меркнуть, и смещаться,
и усыхать со всех сторон.
Пока однажды грустный голос
не позовет с вершины лет
туда, где прячет пышный волос
знобящий душу силуэт.

ОШИБКА

И стояла она у калитки,
и пыталась, подобно улитке,
в дом расчетов уйти с головой.
Для нее я был только обузой,
а считал, что беседую с Музой,
пусть не с главной,
пускай со второй...

* * *

Мимо стрехи порхнула
белая птица рассвета.
Тихо уходит в память
первая наша ночь.
Солнца еще не видно.
В розовых каплях света
лишь молодая туча,
что уплывает прочь.

В наших телах усталых
гнезда свила истома,
яростными толчками
ходит по жилам кровь.
Смело крыла расправив,
прямо над крышей дома
просится в мирозданье
наша с тобой любовь.

РИФМА

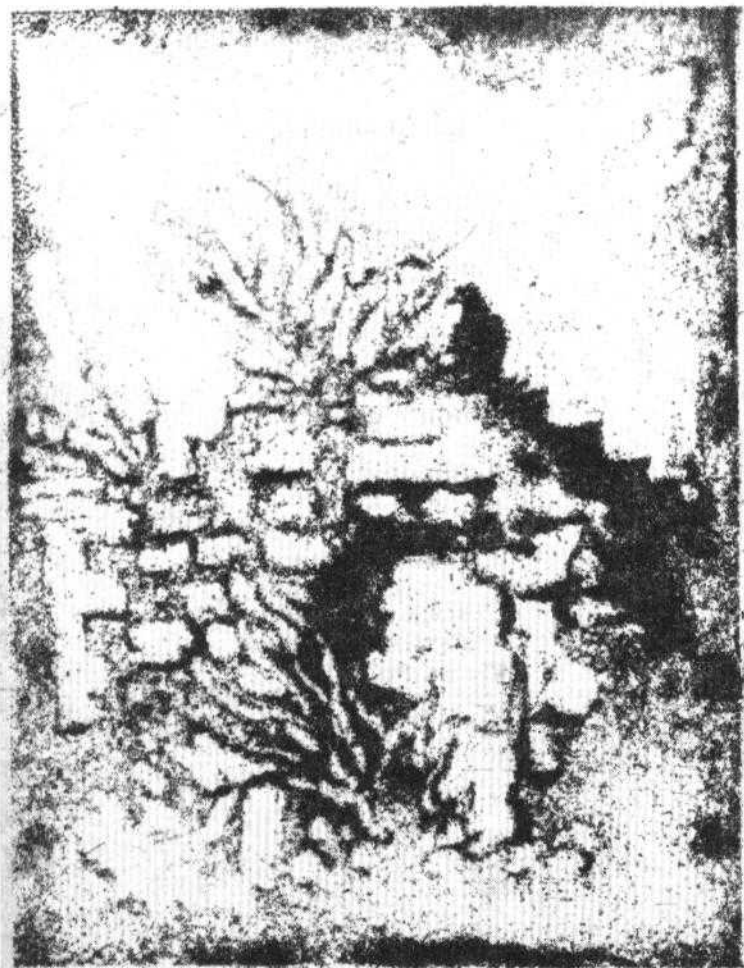
Снова рифму просит слово.
Не спеши!
Оставь тщету!
Продолженье мысли скоро
подберет тебе чету.

Как любовь приходит тайно,
так и слово в свой черед,
вдохновеньем осиянно,
начинает свой полет.

ДИВО

Вновь запенились сады.
В гомоне — дубравы.
Беспокоен блеск воды
в зелени оправы.

В гущу дива заходи,
вникни сквозь веселье,
как на страждущей груди
пляшет ожерелье.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Стекаются мысли
в часы пробужденья,
но нету порядка
в их быстром движенье.

Цветок синевою
глаз радует снова,
но боль утоляет
целебное слово.

Жизнь много приносит
лихого и злого,
но срам покрывает
правдивое слово.

Присядем, напишем
всю строчку сначала
совсем не затем,
чтоб красиво звучала.

ОПРАВДАНИЕ

Наверно, это все буза,
но мало я в глаза и за
хвалил товарищей созданья.
Но в поэтической гоньбе
я сам не нравился себе,
и это мне как оправданье.

СМЯТЕНЬЕ

Не отведав крестьянской юдоли,
он поет о распаханном поле.

Захандрив от заборов и вздоров,
вдруг возжаждало сердце просторов

и покоя,
а это явление
в трех шагах от границы смятенья.

СВАТАНЬЕ

Зажигаются звезды высокие
и, сгорая, за пажити катятся.
Наряжайтесь скорей, одинокие,
отправляемся к девушкам свататься.

Отправляемся с шутками, песнями
и, конечно, со свахами дошлыми
да с надеждой,
что братья невестины
в этот раз не прогонят, как в прошлые.

СПОР

Видно, что-то у нас не так,
если, вместе пройдя полкруга
невеселой судьбы,

никак
мы не можем понять друг друга.

Пусть никто не стремится вбок,
все равно сколько можно, боже,
разбирая один клубок,
говорить про одно и то же!

* * *

Земля — музей,
и ты, дружище, сам
годами пополняешь этот храм,
сработанный нездешними руками.
Есть пустыки в нем,
есть ненужный хлам
и красота,
перед которой нам
стоять в благоговении веками...

* * *

Жизнь —
забавную штуку —
то браню, то хвалю,
но людскую науку,
словно дятел, долблю.

Сомневаясь, лопачу
груды чувств для того,
чтоб поверить в удачу
и в себя самого.

Мчать к намеченной цели —
той, что еле видна, —
так, чтоб ноги гудели
и хрустела спина.

Чтоб гореть и не меркнуть,
чтоб в беде не сробеть,
чтобы сто раз ослепнуть
и один раз — прозреть!

ИСТИНА

Много раз хотелось миру
с бочки,
с печки,
из угла
на глазок ли,
по визиру
отделить добро от зла.

Но напрасная затея:
прячет истину во мгле
бессловесность Прометея,
пригвожденного к скале...

ДИРИЖЕР

Резвятся беспечные звуки,
смешались минор и мажор.
Но вот вдохновенные руки
над хаосом вздел дирижер.

Замах!

И взлетает синкопа,
парит между люстр не спеша.
Простым,

 словно ветка укропа,
успехом светится душа.

Но время возжаждет баланса,
пожухнет укроп наконец.
И к зимней печали ромansa
придет беспечальный творец.

ЖЕЛАНИЕ

Прежнюю силу в себе воскресить,
беда, как мягкую глину, месить,
вечное поле объять и понять,
образ отца краем глаза поднять.

ТЕЧЕНЬЕ

Столько чуда было рядом!
Но совсем не брали нежность
роковая страстность взгляда,
бурной ласки неутешность.

Пир не пир,
а шторм в стакане,
жар не жар,
а так — свеченье.
Сам не свой,
я, как в тумане,
плыл все дальше по теченью...

УСЛОВИЯ

Всякое благонамеренье
должно сквозь огонь испытаний
пройти,
чтобы стать уверенней
в конечной цели плутаний.

Не будет в дороге обрыва,
если в горячке затеи
помнить, что тяжесть призыва
тянут постромки идеи.

САМОЕДСТВО

Воткнут коготь в плоть кокетства.
На своем стоит упрямяство.
Дверь — на ключ.
Для самоедства
огорожено пространство.

Теснота крадет движенья,
холод как на дне могилы.
Где вы, светлые мгновенья?
Слабый жаждет вашей силы.

★ ★ ★

Стихи мои — розы пожара —
редкими стали в саду.
Мой соловей от угара
дует в другую дуду.

Гуще пырейные джунгли
на одичавшей земле.
Гаснут последние угли
в полуостывшей золе...

ОНА

Зацепилась луна
в камышовой стрехе и в акации.
И сказала она
с поразившей меня интонацией:

— Ты такой же, как все, —
все вы грубые с нами, пропашими... —
И заколку в косе
все искала руками дрожащими.

ВЫХОД

Любуется наша улица,
когда ты идешь, беспутница,
игриво ломая туфель
длинного платья узор.
Проходишь благоуханная,
холодная, бездыханная,
потупив отягощенный
нездешнюю страстью взор.

Взъярится вдогонку соседка,
крякнет столетний дедка,
остолбенеют парнишки:
«Вот это да, ё-моё!»
А вместе — и слева, и справа —
согласно признают право
на эту особую гордость
грешное право твое.

* * *

Ну что они несут,
бесстыдные уста!
Зачем они на жизнь
пожаловались зря?
Пока душа жива,
пока душа чиста,
не осквернит она
святого алтаря.

Отринь дурную мысль,
сдержи печальный стон,
неверия росткам
не дай созреть в себе.
В любые времена
блажен, счастливый, он,
без шпаги
побеждающий
в борьбе.

КУМИР

Громкозвучность имени
в покрывалах мистики,
как в весеннем инее
молодые листики.

Тайный звук колышется
в сводах помещения,
где потом отыщется
смысл несовмещения.

ЛЕСТНИЦА

Каблуки по лестнице стучали,
протирая камень понемногу.
Хворый глаз в задумчивой печали
все смотрел куда-то на дорогу.

Думал я:
«Надежда неделима,
всяк живой своим отравлен ядом...»
Но один
из прошагавших мимо
возвратился
и приткнулся рядом.

СВЕТ ДУШИ

Извлекала душа нектар
из пропитанной тальком зыбки,
из любви,
из тоски,
из улыбки,
из скрипучих солдатских нар.

Извлекала душа нектар
из всего, что ей жизнь предлагала:
спирта,
дружбы,
вражды,
металла,
из бессмысленных растабар.

Получил свои жертвы дух,
но еще далеко до развязки.
Чтоб узнать окончание сказки,
последи, чтоб огонь не потух.

ДВОЙНИК

На знакомой полянке
жизнь кипит, как везде.
Свист в синичьей дуплянке,
писк в сорочьем гнезде.

Как и прежде, алкает
вечной сладости шмель,
и свирель не смолкает,
если дуют в свирель.

Утонув в медоносе,
мой чубатый двойник
с обожаньем заносит
твое имя в дневник.

ПРОДАВЕЦ КНИГ

Печальный Ахмет отпускает тома,
и слушают библиоманы,
когда и о чем

и каким из Дюма
написаны эти романы.

Но в редкие праздники

пьяный Ахмет,
отбросив незыблемость знаний,
считает серебряным

каждый браслет,
а каждую девушку —
Маней.

КЛОУН

Тьма тягуча, как смола,
как молчанье, липка.
Ничего мне не дала
золотая рыбка.

Ни богатства, ни утех,
ни любви, ни дружбы,
исключая разве смех,
смех по долгу службы.

ИСКОМОЕ

Плохо? Отлично?
Бог его знает.
Подлинность сущего лик не вскрывает.

Окна зашторю,
дверь — на засов.
Всюду мерещатся чаши весов.

ПОСЛАНИЕ

Приди ко мне
лет через пять,
я буду, друг,
и юн и весел.
Когда ж придешь
лет через десять,
то я успею возмужать.

Я буду полон зрелых сил,
когда придешь
лет через двадцать.
И хоть виски засеребрятся,
во мне проснется
прежний пыл.

Когда же
через сорок лет
ты наведишь мое жилище,
ни твой приход,
ни твой привет
не окрылят меня, дружище!

Лишь в остывающей груди
воспоминания разбудят.

...Лет через сто
не приходи —
меня тогда
уже не будет!..

— Здесь лишь одно полезно знать:
что написал — стереть попробуй!

* * *

«Он — неотесанный!» — сказали
и принялись за дело крепко
да так беднягу обтесали,
что от него остались щепки.

* * *

Пошел к скупому,
сев на мель,
пошел,
чтоб выправить дела.
Пока он доставал кошель,
моя нужда уже прошла.

* * *

Меня учили каждый день,
учили все, кому не лень.
Вчера учили, после впрок,
учили вслух, учили молча.
Я чувствую: еще урок —
и остолопом жизнь окончу.

* * *

Когда за скромностью
его
друзья отправили любя,
то он пошел.
Но для того,
чтоб снова показать себя.

* * *

Ты как-то странно помогаешь
во всех моих заботах, друже.
Ты из воды меня спасаешь
и топишь похода на суше.

* * *

Земле, страдающей от зноя,
все снились реки-миражи.
Пришла вода,
но под водою
земля
вся в трещинах лежит.

* * *

Милым вдовам — почет,
а жене — вниманьице.
Знай, вода утечет,
а песок останется.

* * *

У злого злость
жестока и черна,
она ни в чем
покоя не находит.
Но злоба,
что от доброго исходит,
особенно коварна и страшна.

СОВЕТ БОГОВ

Однажды
(слышал я рассказ,
да только правда ль это?)
у входа на святой Парнас
собралось пять поэтов.

Из самых разных уголков
явились утром чистым
Дурак Дуракыч Дураков,
Нигилий Нигилистов.

Примчались Чистоплюев Чист,
Пессимистов Пессимий.
Талантов —
тих и неказист —
притопал вслед за ними.

И сразу ругань:
— Вор!
— Нахал!
— Куда ты, бездарь?
— Прочь с дороги! —
Парнас такого не слышал,
и всполошились боги.

Немедля созван был Совет
для случая такого:
впустить поэтов всех иль нет?
А если нет — какого?

— Возможно, Чистоплюев Чист?
— Нет, жизни он не знает.
— А Нигилистов?
— Нигилист!
— Талантов?
— Зашибает!

— А Дураков?
— Он туп как пень!
— Пессимистов?
— Он мрачен.—
Совет терзался целый день,
задачей озадачен.

Тот плох, и этот нехорош,
найти б других, конечно...
Но где же их теперь найдешь,
как божий суд,
безгрешных?

Устали боги заседать
и приняли решение:
ни одному не отдавать
поэту
предпочтения.

К Парнасу срочно — дотемна —
для всех открыть дорогу:
ведь слава каждому нужна,
хотя бы понемногу!

Но чтоб паденья избежать
во мненье всего света,
решили боги наказать
зарвавшихся поэтов.

И чтобы долго не судить,
их приговор был краток:
навек за каждым закрепить
его же недостаток.

Пусть до скончания веков,
не ведая кручины,
Дурак Дуракыч Дураков
пребудет дурачиной.

Пусть вечно станет воспевать
Пессимистов страданья,
а Нигилистов — отрицать
за-ради отрицанья!

Пусть жизнью
Чистоплюев Чист
всегда пренебрегает.
Талантов — тих и неказист —
пусть вечно зашибает!

Вот так покончить все дела
уже решили боги,
как вдруг на лики их легла
косая тень тревоги.

Хоть предрассудков
цепких пут
не знал Совет с рожденья,
его смутил последний пункт
высокого решения.

Совет представил,
как запас
вина упорно тает,
как разгулявшийся Парнас
качает и швыряет,

как колобродит пьяный бунт,
сметая все с дороги...
И записать последний пункт
вот так решили боги:

«Чтоб мог Совет Богов влиять,
как прежде,
на литмассу,
Талантова не подпускать
и на версту к Парнасу.

Пусть он за письменным столом
до гроба
горбит спину.
Пусть будет он
для всех рабом,
лишь песне — господином!

А чтобы он совсем притих,
не нарушал порядки,
Талантову отдать
других
поэтов недостатки...»

Решили — сделали,
с тех пор
покоя он не знает:
то жизнь возносит выше гор,
то с ходу отрицает,

то явит миру светлый ум,
то глупым обернется,
то камнем тонет в море дум,
то плачет,
то смеется!

Его заметить и сейчас
легко среди поэтов...
Такой вот слышал я рассказ,
да только правда ль это?

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Это — не вчерашнее...»	3
Моя земля	4
Весна	6
Старый обычай	7
Счастье	10
Ча-хэйс	11
Радость	12
Жена	13
Праздничная пляска	15
Детство	17
Поиск	18
Дорога	19
Ян Гус	20
Белая вуаль	21
Свобода	22
«Я сыну виноград принес...»	23
С базара	25
Возвращение	27
Тосты	29
«Я встретился с вежливым...»	30
Зимняя ночь	32
Свадьба	33
Линейная фантазия	34
Лозунги	35
Град	36
Воспоминание об отце	37
После грозы	38
Поздняя осень	39
«Посмотрел я окрест...»	40

Базар	41
«Зеленым пламенем...»	43
Другу	44
Разговор с сердцем	45
Защита	46
Груз	47
Этюд	48
«Наша крыша...»	49
Кудри	50
Бессонница	51
Проклятие	52
«— Останься,— говорил ей дом...»	53
Песня юноши	54
Утро	56
«Если однажды придешь...»	57
Песня девушки	58
Если в сад приходит май	59
«На юг умчалась...»	61
Как узнать?	62
Боль	63
Женщина	64
Эхо	65
«Чу, кукушка кукует!...»	66
Приметы	67
Клен	69
Гвоздь	70
Шаги	72
Чем?	73
«Каждый пьяница...»	74
«Запомни истину одну...»	75
«Как старый вол...»	76
«А жизнь как колокол...»	77
«Через день ли...»	78
«Научился грамоте...»	79
Лебеда	80
Веяние	81

Невеста	82
«...И сбьлось все то...»	83
Анакреон	84
Туман	85
Ноябрь	86
Знак	87
Последнее свидание	88
Тайна	89
«Смиренье сулит тишину и покой...»	90
Судьба	91
«Не ищи напрасно истины...»	92
Память	93
Гана	94
Страдание	95
Кувшин	96
Монастырь	97
«Я тоже...»	98
Творчество	100
Из древности	101
Дети	102
Тревога	103
«Чудным звуком душа крещена...»	104
Кумир	105
Преданность	106
Портрет	107
«С утра давил округу сплин...»	108
«Шипит вода...»	109
«Все утро смотрели в окошко...»	110
«Ты стояла недотрогой...»	111
Цельность	112
«Бывает день среди зимы...»	113
Муза	114
План стихотворения	115
Карандаш	116
«Крепи свою душу...»	117
«Все суровой непогода...»	118

«Наконец-то разгадан кроссворд...»	119
Дорога	120
Музыка	121
Оттепель	122
Сторож	123
Апрель	125
«Не брани преступившего веры...»	126
«Отчего так сердце стонет?..»	127
«Старая ветка груши...»	128
«Почернели глубины...»	129
Первая любовь	130
Ошибка	131
«Мимо стрехи порхнула...»	132
Рифма	133
Диво	134
Пробуждение	136
Оправдание	137
Смятение	138
Сватанье	139
Спор	140
«Земля — музей...»	141
«Жизнь...»	142
Истина	143
Дирижер	144
«Отчего, скажи на милость...»	145
Желание	146
Течение	147
Условия	148
Самоедство	149
«Стихи мои — розы пожара...»	150
Она	151
Выход	152
«Ну что они несут...»	153
Кумир	154
Лестница	155
Свет души	156

Двойник	157
Продавец книг	158
Клоун	159
Искомое	160
Послание	161
Затеси	
Позт	162
Оценка	162
Попрошайка	162
Ответ	162
«Он — неотесанный!» — сказали...»	163
«Пошел к скупому...»	163
«Меня учили каждый день...»	163
«Когда за скромностью...»	163
«Ты как-то странно помогаешь...»	164
«Земле, страдающей от зноя...»	164
«Милым вдовам — почет...»	164
«У злого злость...»	164
Совет богов	165

Дмитрий Кара Чобан
(*Дмитрий Николаевич Карачобан*)

АЗБУКА ОТКРЫТИИ

Редактор *П. А. Кошель*
Художественный редактор *Д. С. Мухин*
Технический редактор *И. М. Минская*
Корректор *С. И. Крелина*

ИБ № 6751

Сдано в набор 03.03.89. Подписано к печати 25.04.89. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офс. № 1. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,7. Уч.-изд. л. 4,43. Тираж 4550 экз. Заказ № 168. Цена 50 коп. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

Кара Чобан Д.
К 21 Азбука открытий: Стихи. Пер. с гагаузск.—
М.: Советский писатель, 1989.—176 с.

ISBN 5—265—00831—4

На юге Молдавии живет народ гагаузы: работать в поле горазды, пройтись в веселом танце не прочь. Недавно ушедший из жизни поэт и кинорежиссер Дмитрий Кара Чобан был истинным сыном этого народа. Из его стихов вы многое узнаете о быте и нравах гагаузов, об их истории и культуре и полюбите этих ясных, мужественных людей.

4702150200—187
К—————336—89
083(02)—89

ББК 84 Мол7

10

50 KOB.